

фантастическая
история

Книги Ивана Оченкова
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА
КОНЕЦ СМУТЫ
ПУШКИ ЦАРЯ ИОАННА
ГОСУДАРЕВО ДЕЛО

В соавторстве с Антоном Перуновым
АЗОВСКИЙ ГАМБИТ
МЕКЛЕНБУРГСКИЙ ДЬЯВОЛ

фантастическая
история



Иван Оченков,
Антон Перунов

Мекленбургский дьявол

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

ГЛАВА 1

Все-таки правы были наши предки, говоря, что утро вечера мудренее. Вчера вечером, когда мы возвратились на рейд Азова, все казалось мрачным. Крепость почти разрушена, из довольно многочисленного гарнизона в живых осталась едва треть, да и те по большей части раненые, команды моих кораблей толком не обучены, и, если бы не преимущество в артиллерии, бог знает, чем бы все закончилось... А ведь впереди еще долгая война с одним из самых мощных государств мира — Османской империей! И в глубине души повеяло холодком от малодушной мыслишки: не зря ли я все это затеял?

Но стоило выглянуть солнышку, как все стало выглядеть не так мрачно. Да, Азов сильно пострадал, но, если подумать, укрепления его давно морально устарели, и их, хочешь не хочешь, все равно пришлось бы перестраивать. А теперь можно не заморачиваться и начать все с чистого листа.

Да, набранным с бору по сосенке экипажам галер трудно тягаться с потомственными моряками османского флота, но тем не менее они справились. И теперь, пока турки не очухались, есть немного времени на обучение и боевое слаживание. Правда, и то и другое придется делать в боях, но когда у нас на Руси-матушке было по-другому?

Это, кстати, я еще не вспомнил про несколько султанских каторг, захваченных во время сражения. Вот уж действительно не было ни гроша, да вдруг алтын! Корабли с разной тяжести повреждениями есть, а вот ни ремонтных мощностей, ни экипажей, ни командиров пока нет, и откуда брать их непонятно. Разве что освобожденных гребцов в матросы поверстать, но тут все хорошенько обдумать надо!

Что же до донских и запорожских казаков, положивших животы, отбивая турецкие атаки... на все, как говорится, воля божья! Тем паче, что они мне не верноподданные, а скорее

союзники, причем не самые надежные. А если вспомнить, сколько горя принесли они России в не так давно миновавшую Смуту, так и вовсе, может, оно и к лучшему.

Цинично? Так я и не спорю. Я — это великий герцог Иоганн Альбрехт Мекленбургский, всенародно избранный Земским собором на московский трон. А еще когда-то я жил совсем в другом времени и представить себе не мог, что угожу в прошлое, где меня будет ожидать столько бурных приключений, кровавых сражений, великих побед и тяжелых потерь. А еще народная любовь и ненависть врагов.

— Доброе утро, государь, — заглянул в каюту мой бесшумный телохранитель Корнилий Михальский.

Вот уже много лет, как бы рано я не проснулся, он встречает меня безукоризненно выбритым и тщательно одетым, как будто нам предстоит не обычный, полный тяжелых трудов день, а торжественный прием в честь приезда иноземных послов.

— И тебе не хворать, — не удержавшись от зевка, ответил я бывшему лисовчику. — Вели подавать умываться.

— Как прикажете, — одними уголками губ усмехнулся тот.

Эх, мы же, можно сказать, в море! Утренний туалет свелся к тому, что один из матросов кинул за борт ведро, после чего, вытянув его за веревку, под одобрительный гогот команды вылил воду мне на голову.

— Тише вы, идолы! — беззлобно ругнулся на них Корнилий. — Царевича разбудите!

— Разбудишь их, как же, — ухмыльнулся я, вытираясь жестким холщовым полотенцем. — Небось сопят в четыре дырки без задних ног!

— Умаялись ребятки, — поддакнул денщик, подавая мне свежую рубаху и камзол.

Не прошло и нескольких минут, как я был готов явить себя городу и миру, хотя был ли готов принять меня город, большой вопрос. После того как стало ясно, что враг повержен, мы, естественно, немного отпраздновали это дело. Мы — это я со своими приближенными и офицерами с одной стороны и казачья старшина — с другой. Донцы и запорожцы на радостях изрядно перебрали и вповалку разлеглись прямо на палубе «Святой Елены», благо августовские ночи на Азовском море теплые и легкий бриз только освежал, а теперь стоят с помятыми лицами, настороженно поглядывая в мою сторону на освежающем ветерке.

В принципе, понять их можно. Царь я и есть царь, и неизвестно что от меня ожидать. Раньше ведь как? Ты, государь, царствуй в белокаменной Москве, а мы на Тихом Дону! А как теперь?

— Здорово, атаманы-молодцы, — усмехнулся я, глядя на нового войскового атамана Мартемьянова и его свиту.

Выглядит тот сущим разбойником, каким, к слову, и является, да и его старшины с есаулами не лучше. Большая часть из них успела повоевать в свое время сначала на стороне многочисленных самозванцев, а затем и в ополчении Трубецкого или Минина с Пожарским, не по разу меняя сторону конфликта. Ну, то дела прошлые.

— Многая лета, царь-батюшка, — нестройно баяют они.

— По-здорову ли ночевал, государь? — осведомился есаул Татаринов, единственный, кого я знаю еще с тех времен, когда мы осаждали занятый поляками Кремль.

За прошедшие годы юный джура¹ вырос, раздался в плечах и, что называется, заматерел, превратившись в бравого казака. В отличие от прочих донцов Мишка смотрит на меня прямо, но без вызова. Они, как успели мне доложить, с недавно выбранным после гибели Родилова Исаем Мартемьяновым не ладят.

— Слава богу! — отвечаю я. — А вот вы, господа казаки, что-то кисло выглядите.

— Прости, батюшка, — развел руками Исай. — Уж больно ты вчера добрым вином угощал! Так что сегодня, не обессудь, башка немного трещит!

— Так я и нынче налью, коли подлечиться желаете.

— Спаси тебя Христос, государь. Но только если за твое здоровье!

— Подайте атаманам по доброй чарке, — усмехнувшись, велел я, — только смотрите не переусердствуйте, а то нам еще совет держать.

После чего развернулся к Мишке и тишком шепнул:

— А ты куда воздержись, успеешь еще. Пойдешь со мной, будешь город показывать!

В общем, так и получилось. Старые и, я бы сказал, «авторитетные» казаки остались поправлять здоровье, а мы сели в

¹ Д жу р а — молодой оруженосец у донских казаков. — *Здесь и далее примеч. авт.*

шлюпку и отправились на берег, дабы осмотреть местные достопримечательности, а заодно захваченные трофеи.

Последних было много. Только тяжелых стенобитных орудий калибром от одного пуда и выше более ста, да еще почти семь сотен пушек поменьше, от древних тюфяков до вполне современных фальконетов. Конечно, до стандартизации артиллерии турки пока что не додумались, а потому каждая пушка имеет свой калибр, длину ствола и, соответственно, баллистику, но это пока что норма. Нам же на бедность и это сойдет!

— А что это за цепи? — удивился я, заметив, что некоторые пушки прикованы одна к другой и к вкопаным в землю столбам.

— Так это, — ухмыльнулся казак, — чтобы, значит, мы их во время вылазок к себе не утаскивали!

— Что, правда?

— Ага!

Пока мы рассматривали трофеи, к нам успели присоединиться Панин с Безе. Федька за то время, что мы с ним не виделись, изрядно похудел и осунулся, а вот француз, напротив, казалось, стал еще более дороден и улыбочив.

— Здорово, брат! — похлопал я по плечу своего бывшего рынду. — Что-то ты вчера рано ушел. Или угощение мое тебе не показалось?

— Прости, великий государь, — повинился полковник, — уж больно голова разболелась.

— А что такое? — встревожился я. — К доктору ходил?

— Да ну его, — поморщился парень, — скажет опять лежать неделю, а тут голову приклонить некогда, не то что лечь!

— Как твои подчиненные себя показали?

— По-всякому, — не стал кривить душой Панин. — Кое-кого пришлось на башку укоротить, а иные служили честно.

— И в бою не оплошали?

— Дрались как черти, тут ничего не скажу!

— Хорошо, коли так. Как думаешь, многие из них на службе останутся?

— Из тех, кто уцелел, дай бог, половина. Все же они люди разбойные по большей части. Им прямая дорога в казаки.

— А донцы их примут?

— Да кто их ведает? Низовые точно нет, а вот в верховьях, пожалуй, что и возьмут. Разве что...

— Говори!

— Война-то еще не закончилась, — помялся Федор. — Коли ты своей царской милостью им жалованье доброе положишь, а сверх того зипуны позволишь добывать, так они от эдакой службы ни за какие коврижки не откажутся!

— Ладно, о сем еще будет время поразмыслить. Лучше скажи, чего сам за верную службу желаешь?

— Государь, — вздохнул Панин, — все, что у меня есть, все от твоих щедрот! Ни по роду, ни по разуму моему не видать бы мне таких высот. Чего же мне еще просить?

— Ну не знаю, я, грешным делом, полагаю, ты домой попросишься с женой повидаться, детушек понянчить...

На лицо моего верного слуги как будто пала тень. Судя по всему, домой его не тянуло. К тому же Пушкарев, знавший все московские сплетни, перед отъездом рассказал, что из панинского дома вместе с ним исчезла пленная турчанка. Что по этому поводу думала Федькина благоверная Ефросинья, догадаться нетрудно. Хотя кто я такой, чтобы его за аморалку осуждать?

— Хотя сейчас не до того, тут ты прав, — продолжил я. — В общем, выбирай. Люди у тебя имеются. Хочешь, будет тебе драгунский полк, а нет, так возьми под свое начало любую из захваченных турецких галер. Время подумать есть. До вечера.

— Благодарю, государь, — поклонился сразу посветлевший Федор.

— Ну а что скажет мэтр Безе? — повернулся я к французу.

— Для начала позвольте мне еще раз поздравить ваше величество с победой, — льстиво улыбаясь, заявил провансалец. — Причем с двойной. История сохранила нам немало славных имен отличившихся в войне на суше или на море, но вам, сир, удалось превзойти всех, ибо воинская удача сопутствует вашему царскому величеству среди любых стихий!

— Бог мой, сколько патоки, — ухмыльнулся я. — Учись, Федя, как надо, а то так полковником и помрешь. Впрочем, благодарю вас, месье!

— Но, как говорят ваши подданные, сир, делу время, потехе час, — правильно понял мой настрой инженер. — Вчера, едва окончилась битва, я и другие офицеры нашего *régiment de chasseurs*¹, получив прямой приказ *notre colonel*², занялись оценкой полученных трофеев и урона, нанесенного крепо-

¹ охотничьего полка (*фр.*).

² нашего полковника (*фр.*).

сти. Вот здесь у меня краткий список повреждений цитадели и меры, необходимые по их исправлению. А также план по улучшению укреплений в соответствии с современными требованиями. Работы предстоит много, но, клянусь честью, результат превзойдет самые смелые ожидания! Кстати, недостающую артиллерию можно позаимствовать из трофеев. Я, с вашего позволения, взял на себя смелость составить небольшой реестр захваченного. Не угодно ли ознакомиться?

— Дайте-ка сюда, — заинтересовался я. — Да ты, мон шер, времени зря не теряй!

— Счастлив служить вам, сир!

Список захваченного и впрямь получился впечатляющим. Помимо пушек, было захвачено немалое количество пороха, свинца, продовольствия и иных припасов. А еще шатры, множество оружия как холодного, так и огнестрельного, и все это ушлый француз успел пересчитать, записать и даже прикинуть, что и где можно использовать.

— Понадобится много народу, — хмыкнул я, осознав масштаб предстоящих работ.

— Заставьте работать пленных, — пожал плечами Безе.

Повернувшись к Панину, похлопал его по плечу:

— Что ж, Федя, опять ты молодец. Хвалю. Чую, счет мой к тебе все растет и растет, уж не знаю, как и расплачиваться буду, разве что... Скажи-ка мне, друг ситный, имеется ли у тебя наследник?

— Нет пока, государь, только девки.

— Ну, значит, быть им фрейлинами при моих дочках. И смотри у меня, приказываю тебе произвести хотя бы еще одного Панина на свет! И коли даст Бог сына, то быть ему моим крестником!

Молодой полковник едва не пал на колени, но я удержал его за плечи и лишь крепко обнял.

— Ты это брось, Федор Семенович. При твоих чинах и заслугах ни пред кем более поклоны бить не велю. И вот еще! Учреждаю орден воинский в честь Святого апостола Андрея Первозванного, и первыми его кавалерами будут отличившиеся под Азовом. Стало быть, и ты, полковник и царский стольник Панин! Привилей¹ тебе сегодня же выпишут, а сам орден, уж не обессудь, как только толкового ювелира найдем. И вот еще что. Раз уж ты так ловок оказался и распорядите-

¹ П р и в и л е й — жалованная грамота.

лен, то временно назначаю тебя начальником над всеми пленными и взятыми трофеями. Пусть твои разбойники сами теперь сторожами станут...

— Как прикажешь, государь.

— А теперь отведите меня в лазарет, надо наших раненых навестить, заодно проверим, как там медикусы о деле радеют...

Поскольку осада благополучно завершилась, полевой госпиталь не стали устраивать в крепости, где большинство строений было превращено в развалины, а те, что уцелели, представляли собой что-то среднее между хлевом и казармой. А, напротив, вынесли на берег Дона, где разбили целый палаточный городок, причем большая часть шатров оказалась из числа захваченных у турок.

Работа эта началась, едва успело затихнуть сражение, и продолжалась до сих пор. Врачей со мной прибыло много, аж четверо, не считая моего личного лейб-медика О'Конора и уже бывшего здесь забавного чеха по фамилии Попел. Да еще почти полтора десятка цирюльников, выполнявших обязанности хирургов. Можете не иронизировать, по нынешним временам это очень кучеряво!

Всю ночь и большую часть дня они отнимали руки и ноги у покалеченных, чистили раны, доставали из плоти пострадавших пули и наконечники стрел, и когда я пришел, практически закончили работу. Не то чтобы они успели оказать помощь всем страждущим, многие успели отойти в лучший мир, так и не дождавшись ее, избавив таким образом эскулапов от лишних хлопот.

Как это ни странно, на мое появление никто не обратил ни малейшего внимания. Большая часть медперсонала сочла свой долг выполненным, после чего отправилась отдыхать, и лишь Пьер продолжал о чем-то спорить с тем самым чехом, рядом с которым топтался какой-то старик с редкой бороденкой и почему-то в белой чалме.

— Месье, вы — неуч! — тоном, не терпящим возражений, выговаривал своему коллеге О'Конор. — И притащили сюда такого же неуча и шарлатана!

— Что здесь происходит? — удивился я.

— Сир, — склонился в поклоне лейб-медик, — дело настолько пустое, что не стоит вашего высочайшего внимания!

— А точнее?

— Ваше величество, — учтиво начал чех. — Этот почтенный старец османский лекарь. Он попросил разрешения оказать помощь раненым с тем условием, что ему будет позволено врачевать и его единоверцев. Я не считал возможным ему отказать.

— Пока что звучит вполне разумно. А в чем проблема?

— Да в том, что это не врач, а шарлатан. Кстати, как и сам месье Попел! Нет, ну это надо же — отрицать пользу кровопусканий!

— С вашего позволения, я с ним согласен. Наши пациенты в большинстве случаев и так потеряли много крови. Зачем же усугублять их состояние?

— Да вы просто с ума сошли! — всплеснул руками лейб-медик, не в силах слышать подобной ереси. — С меня довольно! Пока жив, я не позволю этому знахарю прикоснуться к страждущим христианам! Пусть даже к таким схизматикам...

— Полегче, месье! — выразительно посмотрел я на вверенца спохватившегося доктора.

— Прошу прощения, — еще раз согнулся тот, — но ваше величество не так меня поняли. Разумеется, я имел в виду этих казаков. Всем известно, что они не соблюдают никаких религиозных обрядов и ведут жизнь закоренелых безбожников.

— Ладно, — сделал вид, что поверил, я. — Скажите, а среди раненых много мусульман?

— Да не так чтобы. Просто несколько знатных пленников, которых не стали убивать даже обычно кровожадные донцы. Очевидно, они рассчитывают на богатый выкуп.

— Ну, вот и славно. Пусть их лечением занимается этот господин... Кстати, как вы общаетесь с ним?

— Нам переводила Нахат, но теперь она куда-то ушла, — развел руками чех, — к тому же он довольно смышлен и понимает знаки...

— Значит, объясните ему знаками, кто будут его пациенты...

— Не трудитесь, повелитель, — неожиданно заговорил на хорошем немецком турецкий врач. — Я понимаю ваш язык.

— Твою ж мать! — не смог удержаться я, перейдя от удивления на великий и могучий.

— Нет, этого я не разберу, — прислушался турок. — А вот наречие франков, на котором говорит тот господин, мне знакомо.

— Каков мошенник! — округлил глаза никак не ожидавший подобного О'Конор.

— Как вас зовут?

— В Стамбуле меня все называют Бахтияр-ага.

— Вы действительно врач?

— Волею всемогущего Аллаха.

— Что ж, вы слышали мой приказ. Посмотрим на результаты вашего лечения.

— Благодарю, мой повелитель. Мне приходилось слышать о ваших воинских талантах и великой учености. А теперь я, ничтожный, смог убедиться и в вашей непревзойденной мудрости!

— А ты сам, Попел, кроме кровопусканий, чем еще лечишь раненых?

— Ваше величество, со всем моим почтением... — начал, вскинув голову и мгновенно разгорячась, чех, но, видимо, разглядев в моих глазах иронию, выдохнул и, проведя ладонью по усталому лицу, неожиданно продолжил: — Ваше величество, когда я только прибыл в Россию, меня просветили относительно ваших требований относительно врачевания. Признаюсь, это несколько озадачило, да и коллеги проявляли по этому поводу некую долю пессимизма. После начала осады мне досталась очень обширная практика. И тогда я подумал, что следует заносить результаты лечения и моих наблюдений в особый журнал. Этим утром я вчерне свел все в одну таблицу — в ней лишь цифры. Но я хотел бы с вашего высочайшего соизволения написать полноценный трактат и опубликовать его. Ибо польза от нововведений очевидна!

— Это весьма любопытно, пан Вацлав! Дайте-ка посмотреть. — Я пробежал раскрытую страницу, исписанную ровным убористым почерком, глазами и кивнул. — Доля выживших после операций на удивление высока, а гангрена начинается только в одном случае из восьми! Верно ли я помню, что обычно счет идет один к одному?

— Да, ваше величество. И даже больше. Хорошо, если один из трех выживает.

— Весьма похвальные результаты! Пишите ваш труд, господин доктор. И я гарантирую вам, что опубликую его и в Москве, и в Мекленбурге!

Вернувшись на корабль, засел за документы. А куда деваться? Хорошо додумался заранее собрать несколько подья-

чих для текущей работы. Вот и загрузим их теперь, пушай корпят, чернильные души.

Мысль создать свои ордена и медали для награждения героев витала в моей голове давно. Но все было не до того. А тут и повод, и время подходящее! Все же одно дело отбиваться от врага под стенами Москвы или Смоленска, и совсем иное — разбить сильнейшую армию нашего времени — османов и взять турецкую крепость!

Раз уж начал орденами заниматься, решил разом еще два учредить. Уже, собственно, мекленбургских. Первый назвал орденом Вендской короны. Восьмилучевой белый крест с той самой короной на синем щите и девизом на красном фоне по кругу: *Per aspera ad astra*. Что означает «Через тернии к звездам». Венды — предки всех славян и сами славяне (вот чухонцы русских до сих пор вендами называют), тут выходит намек на мои рюриковы корни. Этот будет за свершения на мирных поприщах и научных. Для гражданских чинов. Хотя можно и всех награждать. За значительные заслуги и пользу царству нашему! Например, сделать вариант с мечами для военных и без — для чиновников.

И еще орден Грифона — восьмилучевой алый крест с золотым грифоном в центре на круглом щите и двумя черными скрещенными пушками-грифонами внизу. На желтой ленте с красным кантом. Грайфенорден! *Altior Adversis* — «Выше противящихся». Этот будет военным, за подвиги. Но статус его установить ощутимо ниже Андреевского креста. С него и будем начинать награждать отличившихся в ближайшем будущем.

Раз пошли такие дела, то и памятную медаль решил отчеканить. И казакам ее дать, и своим войскам. Пусть носят с гордостью!

Сочинять ордена занятие хоть и ответственное, но приятное. Как и составление списков награжденных. Но хорошего понемножку. Вызвал своих ближайших соратников для определения планов следующей фазы нашей кампании. Заодно велел и обед принести, а то с утра толком ничего не ел, оголодал как собака. Вот она — царская участь...

Самое просторное и при этом светлое помещение на «Святой Елене» это кают-компания, расположенная в кормовой надстройке нашего галеаса. По-морскому она еще называется ахтеркастль (передняя, соответственно, именуется — форкастль). Поскольку именно сюда выходят двери кают ко-

мандного состава, именно здесь мы встречаемся, проводим совещания и принимаем пищу. Всего кают четыре: одна моя, вторая фон Гершова, третья Петерсона, в четвертой должен обитать штурман, но ему пришлось переселиться палубой ниже к другим офицерам, поскольку помещение понадобилось для царевича.

Убранство и мебель здесь самые простые, но вместе с тем добротные, а из «предметов роскоши» разве что два «грифона», именуемых «ретирадными». Во время боя стол и лавки убираются, а высокие стрельчатые окна превращаются в оружейные порты, но сейчас это что-то вроде украшения интерьера.

Здесь же состоялся наш обед, как обычно, переросший в совет. Присутствовали все вышеперечисленные, да еще атаман Мартемьянов, который успел немного прийти в себя и теперь чуть виновато поглядывал на меня и моих ближников. Блюда по походному времени были самые простые, но вот подавали их юнги. То есть Митька с Петькой. Таков был мой категорический приказ. Если уж навязались в поход, то слушать, как положено!

— Государь, а можно нам погулять? — осторожно спросил Дмитрий и, немного подумав, добавил: — Когда вы пообедаете.

— Вам палубы мало? — хмуро поинтересовался я, ни на миг не переставая работать ложкой.

— Ну, ваше величество, — заканючил Петька. — Мы тут уже все видели, а в Азове ни разу не были.

— Это неразумно, — поддержал меня фон Гершов. — В городе множество вооруженных людей, большинство которых никак не могут протрезветь.

— Так и победа-то какова, — скорбно вздохнул атаман, — за такое грех не выпить!

— Тоже верно, — скупно улыбнулся я, но тут же посерьезнел и окинул выразительным взглядом всех присутствующих. — Господа, а что за бардак? Почему низшие по званию обращаются ко мне напрямую, минуя своих непосредственных начальников?

— Потому, государь, что среди присутствующих ты есть высший начальник, коему вся власть в военное время принадлежит безраздельно! — отчеканил Дмитрий соответствующую статью воинского уложения.

— Охренеть! — хмыкнул я под сдержанные улыбки Кароля с Яном. — Нашим же салом нам и по сусалам!

— Ваше величество, — подал голос Петерсон, в чей огород, собственно, и был мой камень. — Я не могу отпустить на берег ни одного члена экипажа, поскольку есть надобность произвести срочные работы.

— Что за работы? — заинтересовался я. — Что-нибудь еще разбито во время боя? Почему не доложили?

— Нет, — покачал головой норвежец. — Ничего такого, о чем бы вы не знали. Но я посоветовался со своими офицерами и пришел к выводу, что нужно переместить некоторые грузы. В том числе артиллерию. В частности, необходимо убрать самые тяжелые орудия с надстроек и поставить их на верхней палубе, ближе к миделю.

— Зачем?

— Помните, как тяжело всходила на волну «Святая Елена» и как она кренилась, меняя галс?

— Да тут и волн толком не было!

— Вот именно! А что будет, когда мы выйдем в Черное море?

— А мы уже собираемся? — насторожился фон Гершов.

— Неужели ты думал, что мы ограничимся посещением Азова? — хмыкнул я. — Ну уж нет, не посетить хотя бы Южный берег Крыма было бы крайне невежливо с моей стороны.

— Тогда надо с Тамани начинать! — решительно заявил Мартемьянов. — Она хоть и на другом берегу, однако без нее с проливом не совладать.

— Дельно говоришь, — кивнул я, после чего посмотрев на стол, велел: — Коли поели, так убирайте все и несите карту!

С картами, как вы, наверное, сами понимаете, все обстояло не слишком хорошо. Легший с грохотом на стол чертеж весьма мало напоминал известные мне изображения будущей здравницы и житницы России. К примеру, напрочь отсутствовала Арабатская коса, горы тянулись через весь полуостров, а Каркинитский залив почему-то имел форму бутылки. Но, как говорится, чем богаты. На Руси своих картографов нет, а это копия из атласа самого Герарда Меркатора. Во всяком случае, южный берег изображен более или менее подробно, а насколько верно, будем разбираться по ходу пьесы.

— Жаль, мы с собой глобус не взяли, — шмыгнул носом Петька.

— Это точно, — отозвался я. После чего спросил Мартемьянова: — Показать сможешь, где и что?

— Прости, государь, — почесал затылок Исай, — сей премудрости не разумею. Однако если надобно будет, проведу без промашки.

— Тамань, — попытался я разъяснить ему, — здесь, а вот примерно тут крепость Герзет и городок Аль-Карш (это на месте будущей Керчи).

— Может, и так, — пожал плечами атаман.

— Ну и ладно. Скажи лучше, хватит ли тебе людей, чтобы захватить тамошнюю крепость?

— Взять-то возьмем, только вот удержать без тебя не получится. Не горододержцы мы. Уж не взыщи, государь. Пошарпать берега крымские али турецкие это завсегда, а вот на что иное...

— Азов ведь оборонили?

— Это верно. Но ведь, опять же, не без твоей царской помощи. Да и людей столько потеряли, что и подумать страшно. А потому помыслили мы, батюшка, поклониться твоей милости градом Азовом со всеми землями да угодыями, что при нем. Прими под свою высокую руку.

— Вот как. Вы все так решили или кто-то супротив был?

— Все, государь. Никто слова поперек не молвил. Хотели только, чтобы ты вольности наши подтвердил, а более ничего.

— Что же, на том и порешим. Вечером устроим пир, вот там и объявим о сем, а я вас — своих верных слуг, пожалую со всей царской щедростью!

После малого совета пришло время разобраться с пленными. Султан Осман послал под стены Азова весьма значительную по нынешним временам армию, а если учесть присоединившихся к ней на месте татар, ногайцев и черкесов, то ее, не кривя душой, можно было назвать огромной. И даже несмотря на немалые потери, нанесенные ей казаками, она продолжала оставаться таковой вплоть до нашего появления. Примерно трети, главным образом черкесам и кубанским ногайцам, удалось бежать. Кому-то посчастливилось спастись на уцелевших кораблях.

Стоявшим на правом берегу Дона татарам повезло меньше, они попали под каток калмыцкой конницы, и те буквально втоптали их в землю копытами своих коней, а затем преспокойно принялись делить доставшийся им скот и прочее добро. Возможно, кому-то из крымцев и удалось спастись, но

остальных ойраты, невзирая на чины и звания, перерезали с такой деловитой жестокостью, что просто оторопь берет. Что и говорить, дикие люди...

Остальные какое-то время пытались сопротивляться, укрепившись в лагере, но после того, как их обстреляли с моря, сдались. И их было не просто много, а очень много. Грубо считая, на каждого казака, стрельца или солдата в моей армии приходилось как минимум трое пленных. В общем, с этим надо было что-то решать, причем срочно.

Первым делом я приказал привести ко мне их начальных людей, начиная от Ибрагим-паши и заканчивая последним агой. Принял я их сидя в кресле, окруженный стрельцами и солдатами фон Гершова. Толмачом служил Мишка Татариннов, как оказалось, хорошо знавший их язык.

— Повелитель мира султан Осман не воюет с Москвой, — затравленно озираясь, заявил мне паша. — Зачем ты напал на меня и моих людей? Неужели ты хочешь испытать на себе гнев повелителя правоверных!

— Разве? — отозвался я. — А мне докладывали, что твой государь поклялся завоевать весь христианский мир!

— Иншалла, рано или поздно так и случится. Но зачем ты торопишь свою судьбу?

— Все в руках божьих, — кивнул я. — И вчера он даровал победу моему оружию. Ты в моих руках, а служившие тебе татары уничтожены до последнего человека. Ты прав, я не хочу ссор с великим султаном. Но у меня не было иного выхода. Много лет я просил и Османа, и его предшественников унять крымских ханов, терзающих пределы моего царства. В Стамбуле не услышали моих просьб. Что же, я человек не гордый, решу эту проблему сам!

— Что ты намерен делать со мной и моими людьми?

— Ты мой гость, Ибрагим-паша, — улыбнулся я. — Тебя будут содержать, как подобает человеку твоего положения. Сегодня вечером будет пир. Прошу тебя почтить его своим присутствием.

— А мои люди?

— Все зависит от них самих. Если они проявят смирение, все будет хорошо. Вздумают бунтовать, я прикажу поступить с ними так же, как с татарами.

— На все воля Аллаха!

— Увести турок! — велел я конвоирам. — Держать отдельно от их людей, лучше всего в городе. Караулить крепко, но без излишней жестокости.

— А с этими что делать повелишь? — спросил Татаринов, выразительно поглядывая на остальных пленников, судя по одеянию, бывших христианами.

— Кстати, а кто они по жизни? — заинтересовался я.

— Вон тот вроде валах, рядом молдаванин, тот, что с серьгой в ухе, — грек. А вот эти трое, похоже, немцы.

— Немцы? — удивился я, разглядывая трех оборванцев, старавшихся держаться подальше от мусульман.

— Ага, — с готовностью подтвердил подьячий, ревниво прислушивающийся к словам есаула. — Как есть германцы!

— Кто вы такие? — спросил я, перейдя на язык еще не родившегося Гейне.

Допрашивать пленников на немецком — одно удовольствие! Язык резкий, немного даже грубый, но ясный и точный, не допускающий двояких толкований.

— Ваше величество, — выступил вперед русоволосый крепыш с упрямым выражением на курносом лице. — Меня зовут Кристиан Бенце, я саксонец из Семиградья¹. После того как погиб наш капитан, меня выбрали вместо него.

— Вы наемники?

— Да. Мы служили в армии Габора Бетлена и по его приказу присоединились к войскам султана.

— Зачем?

— Турки не умеют брать крепости.

— Понятно. А кто ваши спутники?

— Инженеры. Господин Пиколомини — известный специалист в области фортификации, а Густав Снуре — петардист.

— Вот даже как?!

— Именно так, — с явным скандинавским акцентом вмешался Снуре. — Я родом из Улеборга и являюсь подданным его величества короля Густава Адольфа!

— Какой дьявол, позвольте спросить, унес вашу милость так далеко от дома? — с усмешкой поинтересовался я.

— Несчастное стечение обстоятельств, — развел руками швед.

¹ С е м и г р а д ь е — немецкое название Трансильвании по числу основанных в нем саксонских городов.

— А ты, сеньор?

— Я служу тем, кто мне платит, — пожал плечами итальянец.

— Что же, по крайней мере, честно. Но как бы то ни было, я не вижу ни единого повода, чтобы вас не повесить.

— Как? — отшатнулся Снуре. — Но я же земляк вашей царственной супруги Катарины Ваза! Неужели вы будете столь жестоки к подданному своего родственника?

— Нет, если есть желание быть повешенным непременно в Швеции, это можно устроить. Мой брат Густав Адольф, как и я, терпеть не может ренегатов.

— Государь, — подал голос Безе, выбираясь из толпы зрителей. — Если позволите, я хотел бы сказать вам несколько слов.

— Слушаю тебя.

— Так уж случилось, что я хорошо знаю месье Пиколомини и готов за него поручиться. Он дельный инженер и может быть полезен вашему величеству!

— Да неужели?

— Так вот кто все это устроил? — пробормотал пленник, сверля глазами маленького провансальца. — Я должен был догадаться!

— Придержи язык, если хочешь остаться в живых! — прошипел Безе, продолжая натужно улыбаться.

— Что же, если твой друг присягнет мне и будет служить не на страх, а на совесть, я могу помиловать его. Что скажете, сеньор?

— Я готов.

— Отлично! Безе, можешь забрать этого человека. Он переходит под твою руку со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Гер инженер, — взмолился Снуре. — Как видно, вы имеете влияние на его величество, замолвите и за меня словечко, а уж я, клянусь честью, не подведу вас!

— Не уверен, что смогу быть вам полезным, — поморщился француз, — вы совершенно напрасно вели себя столь вызывающе, да еще приплели покойную государыню.

— Покойную? — изумился швед, да так и остался стоять с разинутым ртом.

Пока он так стоял, я обратил внимание на другого пленного — высокого чернявого человека с перевязанной головой и в донельзя испачканном землей и кровью кунтуше, некогда

украшенном золотым шнуром и позументами. Но, несмотря на ранение и потрепанный вид, он старался держаться с достоинством. И, судя по выражению лица, хотел что-то сказать.

— Как твое имя? — резко спросил я его по-немецки.

— Капитан Дину Мургулец к вашим услугам, — неожиданно ответил он мне на вполне понятном русинском.

— Ты — валах?

— Так, ваше величество.

— Насколько велик ваш отряд?

— Был большой, пока не понесли потери. Турки старались ставить нас на самые опасные места. Осталось мало. Всего две сотни.

— А немцев?

— Здоровых столько же, — с горечью отозвался Бенце. — Из шести сотен уцелела едва треть.

— А кто еще есть?

— Сейчас трудно сказать, — пожал плечами немец. — В войске Ибрагим-паши хватало арнаутов, набранных среди албанцев, греков, сербов и босняков, но еще больше имелось райя или, как у вас их называют, «посошной рати» из кафинских греков и армян. И если многих воинов мы потеряли, то большинство простолюдинов живы и здоровы.

— Ваше величество, — продолжил Мургулец, — мы давно живем под властью султана и исправно служим ему, хотя, конечно, у нас нет причин любить османов. Вы победили и вольны расправиться с нами, поскольку считаете изменниками веры. Не буду спорить с вашим величеством, это глупо, да и бесполезно. Но я готов заплатить выкуп за своих людей... равно как и за всех христиан, угодивших к вам в плен.

Последние слова вызвали всеобщее удивление, и все присутствующие обернулись к капитану.

— Ты настолько богат?

— Я — нет. Но вот султан Осман — да.

— Он заплатит за тебя?

— Государь, позволено ли мне будет подойти к вам ближе, ибо то, что я желаю сказать, не предназначено для чужих ушей.

— Ты меня интригуешь, — усмехнулся я и, поднявшись с кресла, подошел к валаху.

— Перед самым появлением вашего войска Ибрагим-паша получил жалованье для янычар и топчи и, разумеется, не стал его выплачивать.

— Почему «разумеется»?

— Он намеревался пойти еще на один штурм, — охотно пояснил капитан Мургулец. — После боя число получателей обычно уменьшается.

— Эту страну погубит коррупция, — усмехнулся я. — О какой сумме, по-твоему, идет речь?

— Султан Осман прислал сюда почти шесть тысяч янычар. Жалованье им во время войны минимум шесть акче в день. Поскольку платится оно раз в три месяца, то это не меньше трех с половиной миллионов. Ведь янычары не единственные, кому следует платить жалованье.

— Но ты уверен, что серебро в лагере?

— По крайней мере, большая его часть. И я знаю, где именно.

— Хм. Среди прочей моей добычи?

— Совершенно верно, ваше величество, — слабо улыбнулся капитан. — Но не в казне. Вам, вероятно, не хотелось бы, чтобы ее первыми нашли казаки?

— Пожалуй, это так. Скажи, капитан, я не слишком хорошо осведомлен о делах в вашем отечестве, но мне кажется, что ты принадлежишь к одному из знатных тамошних родов?

— Вы напрасно принижаете свои знания, государь. Это действительно так, я из старинного боярского рода.

— Хочешь поступить вместе со своими людьми ко мне на службу?

— С большой охотой!

— А ты, Бенце? — повернулся я к трансильванцу.

— Для нас было бы честью служить такому славному государю, как вы!

— И я, с вашего позволения, желал бы, — заикаясь от волнения, заявил швед.

— Тебя еще не повесили? — картинно удивился я, но видя, как переменялось его лицо, не смог удержаться от усмешки. — Коли так, беру и тебя тоже. Но с одним условием.

— Все что угодно!

— Впредь постарайся тщательней следить за своим языком. Господа, с этой минуты вы все приняты на русскую службу! Я ценю краткое слово и быстрое дело и не терплю предательства и нерадения! А паче всего — трусости на поле боя и глупости среди начальствующих! Помните это. Сейчас временно поступаете в распоряжение полковника Панина.

Все приказы его исполнять, как мои. Все понятно? Тогда можете идти.

Еще короче вышел разговор с греками и армянами — крымскими «черными мужиками» — кафинцами и поморянами (жителями южного побережья). Сразу обозначил, что отпускать их не собираюсь. Пусть работают на строительстве крепости, а потом поселю их в этих местах по берегам Азовского моря.

Старшина греков, седобородый крепкий дядька лет пятидесяти осмелился возразить:

— Как же нам без семей?

— Это самое простое. Скоро всех сюда доставлю. И семьи, и имущество прямиком из Кафы!

А спустя еще час, когда новость о предстоящем походе со скоростью степного пожара разлетелась по войску, в каюту заглянул новоявленный орденосец и герой Федор Панин.

— Государь, дело срочное к тебе.

— А, кавалер, заходи! Что случилось?

— Разбирались по твоему приказу с пленными, и среди них «черные» мужики из местных указали на воинов из Тамани, Керчи, Кафы.

— Так, с этого момента поподробней. Продолжай!

— Ну, что... Я их тут же забрал, допросил. Все правдой оказалось. Поведали мне басурмане, что паша для похода большую часть и без того малых сил с тех крепостей увел. Выходит, там сейчас и воинов почти нет, одни сторожа на воротах. Вот я и подумал. Если мне каторгу взять, охотников своих янычарами обрядить и самому в турецкий наряд одеться да пойти сначала к Тамани, а потом и прочие навестить места. Глядишь...

— Задумал ты хорошо, одна беда — ни бельмеса на турецком и татарском не знаешь.

— То не беда, возьму с собой арнаутов и валахов, те ловко по-турски балакают. Ты ведь их на службу поверстал и мне подчинил, так я уже с ними стыкнулся и к делу приставил. Вояки крепкие и толковые. Бился с ними на стенах, знаю не понаслышке. А чтобы никакого обмана не было, толмача буду при себе держать! Нам всего и надо будет ворота взять, а там уж сигнал дадим, и вы поспешите на выручку! А если верно, что воинов почти и нет в крепостицах, то и своими силами управимся!

— Стало быть, не хочешь в Азове сидеть? И капитаном надумал стать?

— На все воля твоя, государь. Только за пленными ты уж лучше кого иного приставь следить.

— Будь по-твоему. Готовься тогда. Завтра с утра выходим в море.

ГЛАВА 2

Победный пир устроили на берегу. Сколотили столы, лавки, для меня притащили кресло, посуду набрали из турецких трофеев. В еде никакого недостатка не сыскалось. Всего и много. Рыба, мясо, овощи, хлеб и, конечно, вино. Но в этот раз я заранее упредил всех, чтобы знали меру — завтра в поход! Начало мероприятия назначил на вечер, когда уходит самая томительная жара и веет легкой прохладцей с моря. Прежде чем рассестись по местам, собрал всех причастных и виновных в круг. Сам же, сидя на походном троне под сенью знамен, махнул рукой, давая знак начинать. Раздалась барабанная дробь, громко запели трубы. И наступила тишина.

— Сегодня у нас великий день, — начал я свою речь. — Мы одолели сильного и опасного врага, забрали его город, корабли и пушки. Причем он был сильнее и многочисленнее. И пусть до окончательной победы пока еще далеко, всем теперь видно, что и непобедимых доселе османов можно бить, ибо Господь на нашей стороне. Но только при одном условии: если все мы будем заодно и ни словом, ни делом, ни помышлением не покривим друг против друга и боевого товарищества!

Последние слова мои прервали восторженные крики всех присутствующих. Начальные люди стрельцов, немецкие офицеры, казацкие предводители вскочили со своих мест и, потрясая наполненными кубками, дружно закричали:

— Виват!

— Многая лета!

Немного подождав, пока стихнут славословия, я сделал знак, и мне поднесли чару, из которой я на глазах у всех пригубил содержимое. Вообще-то, обычно я в таких случаях, чтобы не терять ясности мысли, вовсе не употребляю хмельное. Но вода в Азове не очень хороша, и одному богу известно, ка-

кую заразу можно подцепить, если ее не обеззараживать или хотя бы кипятить. Так что легкое сухое вино наше все.

После этого вперед выступил подьячий и, развернув свиток, стал зачитывать фамилии или прозвища отличившихся.

— Донской атаман Исай Мартемьянов жалуется кафтаном с царского плеча и серебряным кубком! — начал он.

В ответ все ахнули. Кафтан или шуба с царского плеча — честь огромная! Не всякий боярский род может похвастаться, что имел такую награду, а тут простой казак. Можно сказать, шпынь¹, а вот поди ж ты!

— Полковник и стольник Федор Семенович Панин — жалуется в кавалеры ордена Святого апостола Андрея Первозванного и двумя тысячами четей земли в вотчину!

Эта награда тоже была куда как щедрой. Про кавалерство, конечно, мало кто понял, но вот то, что не особо родовитого дворянина записали в царскую грамоту с «вичем», дорогого стоило. Ну и земля лишней никогда не бывает, хотя... когда Михальский, бывший в свое время Федыкиным командиром, спросил, где мое величество собирается брать столько вотчин для пожалований, я ответил ему, сделав красноречивый жест:

— Мало, что ли, земли вокруг?

Прочие награды были хоть и не такими почетными, но не менее щедрыми. Представители казачьей старшины, включая Мишку Татаринова, получили дорогие кафтаны и шапки, доброй работы сабли и пистолеты. Командиры отличившихся галер — кто деньгами, кто повышение в чине. Затем были начальные люди солдатских и стрелецких полков, а также наиболее отличившиеся из простых воинов. Помимо всего прочего, каждому из награжденных наливалась чарка и подавалась из царских рук, что тоже немалая честь.

Наконец пришел черед калмыков, чей вклад в общую победу трудно было переоценить. Для награждения из их лагеря прибыл сын Далай-Батыра Дайчин-Хошучи в сопровождении десятка своих лучших воинов. Увидев меня, он, как и его сопровождающие, преклонил колени, но я велел ему подняться и подозвал к себе, после чего протянул руку, к которой он почтительно приложился. Меня, грешным делом, до сих пор коробит от этого ритуала, но ничего не поделаешь — положение обязывает!

¹ Шпынь — разбойник (*устар.*).

Затем наступило время даров. Я на глазах у всех отстегнул висевшую у меня на поясе драгоценную саблю, обильно украшенную золотой насечкой и самоцветными камнями, и протянул ее немного обалдевшему хану.

— Ай-ай-ай, какая хорошая сабля, — зацокал языком Дайчин, после чего снял свою и, хитро улыбаясь узкими глазками, отдался.

Нельзя сказать, чтобы его оружие было совсем уж простым, но по ценности, конечно, весьма уступало моему презенту. Но тут ведь дело не в стоимости. Обмен оружием означал военный союз, а он сейчас нам жизненно необходим. Кроме сабли калмыцкого тайшу пожаловали дорогим кафтаном, шапкой и богатой конной упряжью. То есть седлом, сплошь затканной золотом попоной и уздечкой.

В ответ тайша что-то крикнул на своем языке все еще стоявшим на коленях воинам, после чего они вскочили на ноги и, выхватив луки, разом выстрелили в небо. Но что интересно, когда стрелы, упав назад, воткнулись в землю, они к немалому удивлению всех присутствующих образовали почти правильный круг. Уж не знаю, сколько эти ребята тренировались, но номер получился весьма эффектный.

Указывая на саблю и стрелы, Дайчин сказал:

— Эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы для поражения твоих врагов.

Помимо моих ближников и союзников присутствовали на пиру и знатные пленники. Во-первых, конечно, сам Ибрагим-паша вместе со своими агами, а во-вторых, непонятно как оказавшийся среди раненых черкесский пши — то есть князь. Вообще черкесы во время сражения одними из первых поняли, что сегодня не их день, и покинули турецкое войско, а потому среди пленных адыгов почти не было. Ну, кроме присутствующего здесь князя Беслана.

Им в отличие от моих людей наливали без ограничений, а потому хмурые османы скоро захмелели и даже немного оживились. В какой-то момент я даже стал опасаться, не устроят ли они бучу, но беда, как водится, пришла, откуда не ждали.

Награждая участников осады, я не обошел конечно же и единственного в их рядах врача. Доктор Попел получил от меня шапку с соболиной опушкой, серебряный кубок и десять рублей серебром. То есть, конечно, монеты были турецкими, но по весу в аккурат червонец. Рядом с ним вертелся

какой-то парень, смазливое лицо которого показалось мне смутно знакомым, но я поначалу не придавал этому никакого значения.

Зато на этого мальчика обратил внимание Дайчин-Хошучи, и после очередной чарки попросил подарить его ему.

— Что?! — не сразу понял я смысл просьбы.

— Ея хачу! — с поистине дикарской непосредственностью заявил мне представитель братского калмыцкого народа.

— Да ты, брат, перепил! — усмехнулся я. — Не знаю, как у вас, а у нас за эдакое на кол сажают. Так что иди проспись...

— Нет! — замотал головой тайша. — Это девка!

— Да ладно! — удивился я, хотя успел заметить, как смутился спутник Попела.

— Дай мне девка, — не унимался Дайчин. — У меня три жены есть, она будет четвертая. Буду ее любить, обижать не буду...

— Государь, — кинулся ко мне Панин, — не вели казнить, только нельзя ему ее отдать!

— Значит, точно девица! — нахмурился я.

— Помнишь черкешенку, которую я с войны привез. Она это!

— Постой, так это, как ее, Фатима, что ли?

— Она. Только имя это ей в плену дали, а так она черкешенка Нахат.

— Да хоть Изабелла Кастильская, мать ее! Федя, ты понимаешь, что мне калмыцкая конница сейчас как воздух нужна! Да если этот хрен с балалайкой к моей бы дочери посватался, я и то не сразу бы отказал...

— Ваше величество! — громко крикнул со своего места Попел. — Позвольте мне сказать?

— Говори, — хмыкнул я, не ожидая услышать ничего хорошего.

— Это и впрямь девица благородного черкесского рода, — витиевато начал свою речь бывший студент. — Я дал рыцарское слово, что буду оберегать и защищать ее...

— Короче, Склифосовский! — теряя терпение, процедил я.

— А еще она моя невеста!

— А ведь это меняет дело, — шепнул мне Михальский.

— Хм, пожалуй, ты прав, — согласился я, после чего обернулся к тайше. — Прости, друг, но эта женщина принадлежит ему. По нашему закону я не могу отнять ее у мужа и отдать те-

бе. Но взамен обещаю, что, когда мы возьмем Крым, ты сможешь выбрать любую пленницу, будь она дочерью самого хана или даже султана!

— Хорошо, — расплылся в улыбке тайша, но глаза его хитро блеснули. — Я запомню твои слова, русский царь!

— Государь, нешто мы Крым воевать будем? — вычленили главное из моей речи ближники.

— А вы думали, я сюда винца попить прибыл? — с усмешкой отозвался я. — Завтра с рассветом мы отправимся на юг. После нашей славной победы в здешних краях у турок осталось мало сил, значит, нам самое время действовать! Донцы, собирайте людей, берите струги — их много с нами пришло. Скольких сможет выставить Донское войско, атаман?

— Все пойдем, государь! Обшарпались мы за месяцы осады, самое время за зипунами отправляться! Где ты, там победа! И прибыток! Полторы тыщи сабель смогу выставить к утру, богом клянусь!

— Добре! Из каторг, что мы взяли у врага, четыре совсем целые, одну отдаю под начало кавалеру и полковнику Панину! Отряд себе наберешь из охотников и арнаутов. Остальными командовать будут старшие офицеры солдатских полков. А те галеры, что побиты, приказываю немедля начать исправлять! Первым делом пойдем к Тамани и Герзету. Брать будем разом обе крепости!

А тем временем калмыцкое войско, вместе с ним отряд конных донцов, Белгородский стрелецкий полк, посаженный на коней, и конная батарея единорогов пойдут берегом моря до Арабатской косы и Сиваша, перейдут его вброд, да там по такой жаре розовая соль, а не вода. И с ходу ударят по Карасубазару. А как возьмете его, пошлете гонцов в Кафу и Герзет, к тому сроку мы уже должны быть там. Частью сил после пройдете мелким гребнем по всей восточной части Тавриды, сгоняя скот и побивая татар, освобождая христиан из неволи. А основными отрядами пойдем на запад — к столице крымцев! Мы зайдем с моря, зайдем Балаклаву и пешим маршем за сутки доберемся до Бахчисарая. Там и встретимся. Ваша задача, тайша, крепко закрыть им пути отступления, чтобы никто не ускользнул. А там, на месте уже решим, куда дальше идти. По домам или еще кого бить!

Получив приказ, Федя недолго посидел за общим столом. Быстро утолив голод, выпил немного вина и тихо улизнул. Его ждали срочные дела! Добравшись до казармы своих голо-

ворезов, он приказал построить бойцов и при свете факелов сообщил:

— Государь прощает вам ваше прежнее воровство, жалует полковое знамя, по рублю каждому и ждет от лихих охотников новой службы. Платить будут три рубля и сукно на кафтан. Пойдете со мной Крым воевать? Там и славы, и добычи возьмем! И ясырей наберете себе в жены! Али так продадите. Вернемся на Русь, заживете богато! Волю вы себе ссыкали, нынче и славу добыть сможете! Утром сядем на галеру, обрядимся в бусурманскую одежду и пойдем к турецкому городу под видом османов. Главное, добраться до ворот, а там бей-руби без пощады! Его величество приказал к нам в отряд и арнаутов взять, те по-турски говорят, все обычаи ведают, так что никакой промашки не выйдет!

В строю после вчерашней битвы и двух месяцев осады из восьми сотен осталось четыре. Много раненых, хватало и погибших. Но и теперь полк являл собой серьезную силу!

— Ну, кто хочет пойти со мной? Шаг вперед.

Охотники, не сговариваясь и не теряя порядка, разом сдвинулись и снова замерли, глядя на своего командира. Позади них осталось немногим больше трех десятков человек, которые предпочли остаться не при делах

— Славно! Повоюем, братцы! Пришел наш черед турку бить и города его брать!

Распорядившись, чтобы сотенные командиры срочно занялись отбором всего необходимого для маскарада, сам напрямую направился к шатрам, где разместились балканские наемники, прихватив с собой толмача Нахат и увязавшегося следом за ней доктора.

Когда царь разрешил ему взять в отряд сколько-то албанских вояк, он сразу подумал о Кирилле Габжиле — одном из предводителей арнаутов, благо тот довольно хорошо мог изъясняться на русском, точнее, на смеси болгарского, сербского и русинского. Главное, что понять друг друга им удалось и без толмача.

— Кирия, слухай сюда, — помогая себе жестами и время от времени привлекая для большей ясности перевода черкешенку, Панин кратко изложил суть своего плана, заодно оповестив, что готов взять три десятка бойцов под началом Габжилы в свой отряд. Перспектива не сидеть в лагере, охраняя пленных, а отправиться на прибыльное дело и хорошенько погра-

бить, разом воодушевила горца, который яростно закивал Феде в ответ.

— Пан полковник, я и мои бойцы готовы идти хоть сейчас! Встать под твоё знамя — честь для нас!

— Вот и славно. Значит, договорились. Отбери людей и без промедления веди их к нашим шатрам. Вам тоже надо будет получить янычарскую сбрую.

Первый же выход в море «Святой Елены» подтвердил правоту Петерсона. После перемещения пушек, балласта и ряда других грузов галеас стал гораздо лучше слушаться руля, меньше крениться в поворотах и вообще как будто даже прибавил в скорости. Возможно, я преувеличиваю, и дело в том, что команда наконец приобрела какой-никакой опыт, но, как бы то ни было, стало лучше.

Подходить близко к Герзету, или будущей Керчи, мне не следовало. Все-таки галеасов в турецком флоте нет, и нас сразу же опознают как чужаков. В сущности, и с каторгами маскарад весьма так себе. Тем более что Герзет не заштатная Тамань, ее бежавшие из-под Азова турки никак миновать не могли, так что там в курсе разгрома Ибрагим-паши и появления у нас собственной флотилии. Весь расчет на то, что у Тараринова корабли все-таки османской постройки, да на наш русский авось. Кстати, хорошее название для корабля.

— Нарекаю сии галеры «Юнона» и «Авось»! — решил я, похоже изрядно удивив фон Гершова.

Во всяком случае, узнав о моей воле, померанец надолго затих, напрягая память, после чего осторожно спросил:

— А как быть с каторгой, попавшей под командование Панина?

— «Аврора», — не задумываясь, ляпнул я, снова погрузив бедолагу Кароля в раздумья.

— Что вас так озадачило, гер генерал? — осведомился я у обычно равнодушного ко всему, кроме своего корабля, фон Гершова.

— Да так, — неопределенно отозвался он. — Графиню Аврору Спаре я хорошо помню, но про Юнону даже не слышал, не говоря уж об Авосе!

Середина августа. Жара. Ветра почти нет. Море, отражая стоящее в зените безжалостно палящее светило, рябит на мелкой волне бесчисленными слепящими бликами. Касым,

стоя на воротной башне Таманской крепости, сбросив сонливость, взгляделся в морскую даль, где ему померещилась какая-то темная точка. Протерев глаза, он смог разглядеть галерею, идущую на веслах в сторону порта. Что делать в таком случае, старый янычар знал хорошо. Оставлять пост ему никак нельзя, вот и пришлось возвысить голос, призывая старшего караула.

Чавуш¹, недовольный тем, что его оторвали от кофе и вытащили из благословенной тени, отдуваясь и вытирая пот со лба, обильно проступивший от прогулки под палящим солнцем, почти прошипел:

— Что кричишь, дел больше нет?

— Каторга идет, — указал Касым.

— Великая весть. Я немедленно сообщу мусселиму!² — не без издевки отозвался Селим. — Нет, постой, Касым. Эту весть надо срочно отправить самому герзетскому паше, да благословит его Аллах! И ради этого ты, сын ослицы, вызвал меня? Ну, идет каторга. И пусть идет.

Он приложил ладонь козырьком ко лбу, стремясь разглядеть приближающийся корабль, на котором уже можно было различить обвисшее алое знамя султанского флота со скрытыми в складках белыми звездой и полумесяцем.

— Что прикажешь делать, каракуллукчу-бей?³ — с почтительностью спросил Касым, но в глазах его искрой промелькнула насмешка. Когда-то эти двое начинали вместе, но вот одному удалось немного выбиться в чинах, и с тех пор Селим при всяком удобном случае старался показать свою власть.

— Ничего. Пусть идут.

— Ворота закрыть?

— Зачем, отродье шайтана?! Ты меня уморить хочешь этими вопросами? Если еще раз без дела позовешь, останешься без ужина, клянусь бородой пророка!

Чавуш, гневно пыхтя, отправился вниз, шаркая остроносыми туфлями по истертым ступеням и мысленно проклиная излишне ретивого к службе подчиненного, а Касым от нечего делать продолжил смотреть на быстро приближающийся корабль.

¹ Ч а в у ш — «посыльный» унтер-офицер в янычарской орте.

² М у с с е л и м — начальник крепости Тамань.

³ К а р а к у л л у к ч у — помощник повара, другой вариант все той же должности чавуша (посыльного).